

УДК 008

Баранкевич И.А.,
преподаватель кафедры этнографии и
декоративно-прикладного творчества
Краснодарского государственного
института культуры

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: ВОЗРАСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРИЧЕСКЕ И ГОЛОВНОМ УБОРЕ

Аннотация: по представлениям восточных славян, на увеличение «жизненной силы» у младенца по мере его взросления указывали затвердение кости, рост волос и появление зубов. Поэтому стричь волосы можно было только после появления у ребенка зубов. «Постриги» были посвящены наделению младенца «культурными» признаками пола и признанию личности ребенка обществом. Обрядовая стрижка волос отмечала разные этапы жизни ребенка, вступление его в иную возрастную группу. Возрастные и социальные изменения, происходившие в жизни девочки, были ярко отражены и в ее головном уборе.

Ключевые слова: социализация, «культурные» признаки пола, пострижение, девичья коса.

Barankevich I.A.,
teacher of department of ethnography and
arts and crafts creativity
of the Krasnodar state institute of culture

SOCIALIZATION OF CHILDREN IN TRADITIONAL CULTURE OF EAST SLAVS: AGE CHANGES IN A HAIRDRESS AND HEADRESS

Summary: According to the beliefs of the eastern Slavs, to increase the «life force» at the baby, it will eventually get older, pointed: hardening of the bones, hair growth and appearance of teeth. Therefore, cutting hair was possible only after the appearance of the child's teeth. «Vows» were dedicated to empowering baby «cultural» grounds of sex and the recognition of a child's personality society. Ritual cutting hair marked the different stages of a child's life, joining him in a different age group. Age and social changes taking place in the lives of the girls were clearly reflected in her headdress.

Keywords: socialization, «cultural» gender, vows, girlish braid.

На протяжении всей жизни человека, одним из аспектов выражения его личности, способом его мировосприятия и ощущения своего назначения в этом мире является костюм. В мире человека традиционной культуры ничто не бывает случайным. Традиционный костюм многофункционален, в народной педагогике он играл воспитательную и социализирующую роль, приобщал с детских лет к труду, творчеству, обрядовой культуре.

Культура любого этноса не может функционировать без «этнокультурной социализации» – процесса вхождения индивида в традиционное общество, познания им социальных и культурных норм. Социальное положение и статус человека в течение жизни менялись не однократно. Процесс социализации, уже на ранних этапах жизни ребенка, имел ряд особенностей, которые в народной культуре

восточных славян связаны с очищением и приобщением новорожденного к миру людей. Достигалось это с помощью магико-социализирующих обрядов и приемов, направленных на совершенствование и изменение физиологии ребенка, наделение его здоровьем и благополучием.

Многие народы традиционных культур считают голову особо священной частью тела. Поэтому общераспространенными являются представления о том, что душа ребенка может находиться в его волосах. Стрижка волос – процедура тонкая и сложная, так как существует опасность потревожить «дух головы» [10, с. 263]. В культуре восточных славян в первую годовщину после рождения ребенка, ему впервые подрезали ногти и волосы. До этого возраста волосы не стригли, а ногти обкусывала у младенца мать, объясняя это тем, что, подстригая «можно отрезать язык» и ребенок долго не будет говорить [9, с. 106]. Кроме того, считали, что стрижка может помешать его хорошему росту и появлению зубов [1, с. 56].

Русские люди верили, что ребенок, родившийся с волосом на голове, обладает большой «жизненной силой». По представлениям восточных славян, на увеличение «жизненной силы» у младенца, со временем его взросления, указывали затвердение кости, рост волос и появление зубов. Поэтому стричь волосы можно было только после появления у ребенка зубов. «Постриги», возможно, были посвящены наделению младенца «культурными» признаками пола и признанию личности ребенка обществом. В традиционной культуре кубанского казачества «пострижение» расценивается исследователями «как подтверждение социальных связей ребенка, установленных посредством крещения, т. к. осуществлялось чаще всего восприемниками» [2, с. 93].

На Украине (в Полтавской губернии) на «пострижчины» приглашали «бабку» (принимавшую роды), которая сначала выстригала волосы на голове ребенка крестообразно, а затем стригла всю голову [9, с. 106]. Девочку стригли, посадив на коноплю, которую после отдают «бабке» в качестве вознаграждения. Мальчика могли стричь «на топоре» или «на деже» (кадушке для замешивания теста). Повсеместно у восточных славян ребенка «постригали», посадив на вывернутую шубу, овчину или подушку [9, с. 106].

На Кубани ребенка начинал стричь крестный отец, а заканчивала – крестная мать. Иногда стрижку совершал кто-то из крестных родителей: девочку стригла крестная мать, а мальчика – крестный отец. Волосы выстригали крестообразно, а затем стригли «налысо». Во время ритуала ребенок обычно сидел на табурете, покрытом шубой или кожухом [2, с. 95]. Распространенным на Кубани было представление, что состригают первые волосы полностью для того, чтобы последующие хорошо росли и были густыми [2, с. 94]. Состригаемые волосы нельзя было бросать на землю («чтобы не схватила птица») или пускать по ветру. Иначе голова будет болеть и кружиться [2, с. 95].

Украинцы-гуцулы верили, что если мыши завладеют чьими-то состриженными волосами и соорудят из них свое гнездо, владелец их будет страдать головными болями или может «повредиться в уме». Славянские народы и немцы также считали, что если срезанные волосы найдут птицы и построят из них гнездо, у хозяина волос начнутся головные боли или «на голове у него выступит сыпь» [10, с. 267].

В Белоруссии отрезанные волосы берегли до следующей стрижки, и только тогда опускали в чистую проточную воду [9, с. 106]. Народы востока, пуская пряди волос ребенка по течению реки, были уверены, что вместе с волосом уплывает все дурное в характере ребенка [10, с. 268].

После завершения «пострига», крестные родители одаривали своего «крестника», «шоб великий рос» [2, с. 95]. В кубанских станицах «крестная» дарила ткань на рубашку или платье. В других районах проживания восточных славян мальчик получал в подарок штаны или шапку, а девочка – юбку и платок. Таким образом, «бесполое дитя» приобретало культурно предписанные признаки пола [4, с. 8]. После стрижки устраивали праздничное застолье, на котором присутствовали кумовья, родственники, соседи, «бабка-повитуха». Гости желали ребенку, чтобы он скорее рос, говорил, был мастеровым и богатым [9, с. 107]. В Пензенской губернии кумовья клали на блюдо шапку или платок (в зависимости от пола ребенка), сверху ставили горшок с кашей (или хлеб) и поднимали высоко блюдо с приговором [1, с. 56]. На данном этапе социализации ребенка уже заметную роль играют традиционные головные уборы – шапка и платок.

В XVI–XVII веках на Руси прическа девочки после стрижки некоторым образом отличалась от прически мальчика. На висках у девочки обычно оставляли небольшие пряди волос [7, с. 176]. В тра-

диционной культуре донского казачества встречался интересный обряд, связанный с первой прической девочки, который проводили, когда она начинала ходить. Для дочери семья устраивала праздник, посвященный первому шагу ребенка, и одаривала девочку ленточками «на первый бантик», гребенкой «на косочку», платочком «в церкву ходить» [5, с. 416]. На Дону существовал также обычай прокалывать мочки ушей у девочек и вдевать в них сережки только после того как мать перестает кормить дочь грудью. В исследованиях историка Н.И. Костомарова встречаем сведения о том, что в XVI–XVII веках русские матери прокалывали уши своим дочерям и вдевали в них серьги, как только девочки начинали ходить [7, с. 176]. Обычай этот был распространен как у знатных людей, так и у крестьян. Традиция прокалывания ушей символически связана с первой стрижкой ребенка, так как обе эти операции не могли осуществляться до первых шагов ребенка, чтобы не помешать его росту, развитию и умению ходить.

В ряде исследований XIX – начала XX века особое внимание уделялось изучению сохранившегося у белорусов обряда пострижения мальчиков, связанного с символикой «посаждения на коня» [1, с. 54]. Существуют данные, что обряд пострижения волос в Древней Руси совершался над княжескими сыновьями по достижении ими двух – трехлетнего возраста. Он был связан с посадкой мальчиков на коня [9, с. 106]. В кубанских станицах бытовал схожий обряд. Когда мальчику исполнялся год, «отец сажал его на коня, обвозил по периметру двора, заставляя прикоснуться ко всем домашним животным ... к постройкам и орудиям труда» [3, с. 111]. В некоторых документах конца XV–XVII вв. говорится, что постриг и посадка на коня на Руси приурочивались к началу календарного года (1 сентября, Семенов день) [1, с. 55]. Выбор времени пострига указывает на символическую связь начала календарного года и начала годовщин возраста человека.

У соседних восточным славянам народов Северного Кавказа существовал обычай «аталычества» – обязательная передача маленького ребенка на воспитание в другую семью. Аталык (названный отец), воспитывающий ребенка из высших слоев общества, в годовщину своего «отцовства» устраивал показ «кана» (воспитанника). К этому дню приурочивали бритье головы ребенка и устраивали большое застолье [8, с. 94]. Иногда у ребенка было несколько аталыков. Тот человек, который брил первый раз молодому князю голову и хранил его волос, считался его аталыком. По представлениям народов Северного Кавказа хранить волос человека, – значит, владеть его душой.

Приглашенные на праздничное застолье гости дарили мальчику лошадь, седло, элементы мужского костюма – кинжал, пояс, а девочке – предметы для рукоделия. Детей знатных князей и дворян одаривали более разнообразными и ценными подарками [8, с. 94].

На Украине встречался обряд «пострижения под стать (пол)», возможно, более позднего происхождения, чем обряд посадки на коня, проводившийся в день именин ребенка пяти – шести лет [1, с. 55]. У русских «застрижки» проходили в разное время и неоднократно. Исследователи считают, что трудно их пока связать с обрядом пострига [1, с. 56]. Но, подобно белорусам, у русских в Сибири встречался приговор, произносимый в обряде «застрижек», обращенный к родителям ребенка: «желаю вам спойть, скормить и на коня посадить» [1, с. 56]. Пострижение у восточных славян совершалось также на седьмом году жизни ребенка, когда у него менялись зубы [9, с. 107]. Обрядовая стрижка волос отмечала разные этапы жизни ребенка, вступление его в иную возрастную группу.

До замужества девочки и девушки чаще всего заплетали одну косу в три пряди. В будние дни в нее вплетали лоскутки или простые ленты, по которым следили за ростом волос. А в праздники в косу вплетали яркую шелковую ленту, разнообразные бисерные или парчовые «косники», и даже колокольчики [6, с. 69]. В каждой местности существовали свои локальные предпочтения в украшении девичьей косы. Во Владимирском уезде в 70-х годах XIX в. девочки носили в косе «гарус» или «косник», а девушки, достигшие зрелости, украшали косу лентой [9, с. 50].

Возрастные и социальные изменения, происходившие в жизни девочки, были ярко отражены в ее головном уборе. Наиболее ранний вид девичьих уборов – это головные полотенца из полос холста с орнаментированными вышивкой концами. Позже, широкое распространение получили головные уборы в форме венца или обруча. В Курской губернии в начале XIX века головной убор девочки до 12 лет состоял из парчовой повязки, а став девушкой, она надевала другую повязку – «венеч». Белорусские девочки с 10 лет носили «вянок». Более сложный и красивый «вянок» надевали девушки, достигшие брачного возраста. Его украшали искусственными цветами (изготовленными из бумаги и ткани) и длинными цветными лентами. Венки из живых и искусственных цветов как праздничные головные уборы девушек

были распространены у русских и украинцев. Особенно разнообразными и нарядными венками славились костюмы украинок. В восточнославянской традиции веночек символизировал девственность [9, с. 51].

Согласно древним обычаям, девичьи головные уборы не закрывали темени. Все основные виды девичьих восточнославянских уборов как бы охватывали голову, сдерживая волосы, которые носили распущенными. Головные уборы делали в виде перевязки из полосы парчи или свернутого платка, в которые иногда прокладывали бересту или бумагу для создания определенной формы. Девичьим убором русского Севера был венец с зубчатым верхом в виде короны [9, с. 52]. В северно-русских губерниях головные уборы украшали жемчугом, перламутром, цветными стеклышками и «золотной» вышивкой. В южно-русских – бисером, монетами, блестками, искусственными цветами, крашеными перьями, лентами [9, с. 51]. На юге России были широко распространены украшения головных уборов в виде белых шариков из гусяного пуха, которые надевали вместе с серьгами или подвешивали у висков. Маленькие девочки носили белые шарики, прикрепленные к ремешкам, которые вешали на уши [6, с. 71].

Общераспространенным русским девичьим головным убором являлся сложенный жгутом платок из фабричной ткани, завязывающийся на голове концами назад. Дополнением к такому убору служили бисерные подвески. В конце XIX – начале XX в. элементы, отражавшие в головных уборах девочек и девушек возрастные различия, постепенно стирались, и девичьи уборы заменялись платками.

Примечания:

1. Бернштам, Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - нач. XX вв. (Половозрастной аспект традиционной культуры). / Т.А. Бернштам. - Л., 1988. - 227 с.
2. Богатырь, Н.В. Крестильные обычаи и обряды восточнославянского населения Кубани в конце XIX - первой половине XX вв. / Н.В. Богатырь. // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. – М.: «Индирик», 2001. - С.79 – 103.
3. Бондарь, Н.И. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) / Н.И. Бондарь // Православие, традиционная культура, просвещение. - Краснодар, Издательство «Крайбибколлектор», 2000. С.92 – 120.
4. Веселова, И.С. Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре. / И.С. Веселова. // Живая старина. - 1996. - № 3. - С.7 – 9.
5. Донские казаки в прошлом и настоящем. / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 1998.
6. Исенко, С. П. Русский народный костюм и его сценическое воплощение: Учебное пособие для вузов культуры и искусств. / С.П. Исенко. - М., 1999.- 144 с.
7. Костомаров, Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. / Н.И. Костомаров – М., 1992. – 303 с.
8. Мамбетов, Г.Х. Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев./ Г.Х. Мамбетов // Вестник КБНИИ, Нальчик, 1972, Вып. 5. – С.91 –106.
9. Маслова, Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX вв. / Г.С. Маслова. - М., 1984.
10. Фрэзер, Д.Д. Золотая ветвь. / Д.Д. Фрэзер. – М., 1980. – 831 с.